

ВЗГЛЯДЫ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА В ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

А. В. Селиванов

В данной статье содержится попытка проследить в хронологической последовательности влияние мировоззрения русского мыслителя, философа К. Н. Леонтьева на его художественные произведения. Нельзя не отметить, что если между философскими и художественными произведениями Леонтьева параллели и проводились, то в основном они касались эстетизма автора, особенно ярко проявившегося в период его службы на Востоке. В этом контексте творчество Леонтьева рассматривается в книге К. М. Долгова «Восхождение на Афон»¹, в главе «Смысл жизни и смерти», где анализируются основные сюжетные линии наиболее известных произведений. Отчасти вопроса связи мировоззренческой эволюции Леонтьева и её отражения в его художественных произведениях касался Ю. П. Иваска в биографической работе «Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество»². Стоит упомянуть также статьи к каждому художественному произведению Леонтьева в «Полном собрании сочинений»³: они полезны и интересны, но в них не рассматриваются вопросы связи между философскими и художественными произведениями автора.

Из раннего периода художественного творчества Леонтьева, включающего в себя разносюжетные произведения — комедию «Женитьба по любви», роман «Булавинский завод», которые так и не дошли до читателя, «Благодарность» (1854) (в первоначальном варианте — «Немцы»), «Лето на хуторе» (1855), «Ночь на пчельнике» (1857), «Трудные дни» (1858), «Сутки в ауле Биюк-Дортэ» (1958), «Второй брак» (1860), следует выделить автобиографический роман «Подлипки»⁴ (1861)⁵. В нём есть элементы детской религиозности, и, возможно, именно она во многом способствовала обращению на Афоне. Так, Ладнев пересказывает истории своей тётушки про её знакомых и далёких родственников, главный вывод из них следующий: «Кто не верует, тому одно наказание и в той жизни бывает, и в этой» (т. 1, с. 376). Затем главный герой делится и собственными религиозными переживаниями: «Годам к 16-ти и сознание добра, и религиозное чувство стали во мне сильнее. Не раз вечером нарочно уходил я из дома и клал по два, по три рубля в церковную кружку на углу; нищим стыдился подавать так, чтоб мне было нечувствительно: подавал серебро, а не медь, постился, вставал к ранней обедне, чувствовал себя крепче и светлее, когда ел просфоры; не уходил никогда прежде конца службы из церкви, вспоминая слова тётушки: “Кто уходит рано из церкви, тот, как Иуда, который ушёл с тайной вечери до конца”. <...> Когда случалось мне уйти прежде срока из церкви или рассыпать на пол крошки просфоры, я казался сам себе грубым оскорбителем чего-то невинного и снисходительного. Любил я также читать священную историю» (т. 1, с. 415–416).

Религиозная тема, ставшая основной в творчестве Леонтьева, подкрепляется и нечасто упоминаемым аспектом философского мировоззрения Леонтьева —

отрешённостью от мира, позже трансформировавшейся в пессимизм. Размышляя о несчастливой судьбе героев «Подлипок» после женитьбы, в чём и сам Леонтьев видел преграду своей свободе и о чём ему говорил ещё Тургенев (т. 6, кн. 1, с. 43–44), Ладнев восклицает: «И как душно везде! Даже великие люди... как кончили они? Смертью и смертью... К чему же привела их жизнь?» (т. 1, с. 591). Не в силах справиться со скукой и жить «живой жизнью» главный герой находит разрешение проблемы в... монастыре: «О, Боже мой! не лучше ли стать схимником или монахом, но монахом твёрдым, светлым, знающим, чего хочет душа, свободным, прозрачным, как свежий осенний день?» (т. 1, с. 590). За много лет до пострига Константин Николаевич чувствовал всю глубину и важность этой стороны жизни.

Следующим по хронологии произведением является сочинение «В своём краю» (1864). Складывается впечатление, что именно в нём Леонтьев начинает чётко отражать те вопросы, которые оставались для него актуальными до самой смерти. Волновавшие автора темы поднимаются в основном в разговорах главных героев, в которых отражается непонимание со стороны слушающих, как это часто было и с самим Леонтьевым. Мучительно раздумывающий над вопросами философии истории Милькеев зачастую бывает не понят, но иногда находит солидарных с ним людей, например, предводителя Лихачова. Вдвоём они, видимо, олицетворяют точку зрения Леонтьева периода написания произведения, а это приблизительно 1858–1863 гг. (т. 2, с. 425).

Так, ещё в начале романа Милькеев поднимает вместе с предводителем тему равенства, свободы, насилия и прекрасного в обществе с подачи Баумгартена, учителя из Франции при детях Новосильской. «Французская нация любит равенство! — говорит гордо Баумгартен. — За равенство она с радостью отдаёт жизнь...». На что Лихачов замечает: «Равенства должно быть настолько, чтобы оно не стесняло свободы и вольной борьбы». Удивлённая его словами Катерина Николаевна Новосильская делает вывод, что всё это может вести к насилию, как же его оправдать. На этот раз уже выступает Милькеев, заявляя: «Оправдайте прекрасным <...> верная мерка на всё... Потому, что оно само себе цель... Всякая борьба являет опасности, трудности и боль, и тем-то человек и выше других зверей, что он находит удовольствие в борьбе и трудностях... Поход Ксенофонта сам по себе прекрасен, хотя никакой цели не достиг!» (т. 2, с. 45).

Эта мысль Леонтьева будет актуальна для его философских взглядов и в конце жизни. Выбрав для себя главным авторитетом православие и монашество, он остался в проблеме выбора критерия оценки хода истории на позициях ещё до своего религиозного переворота. В этом вопросе он не находил противоречия с учением Церкви, хотя, имея в виду его публицистику последних лет жизни, можно не сомневаться, что если бы он его обнаружил, то встал бы на точку зрения Церкви⁶. Мотивировал он свою позицию так: чем больше спокойствия и меньше страданий, тем ближе мир к концу света, так как происходит потеря веры в Бога.

Но Милькеев, развивая свои мысли, как это часто было в жизни и с самим автором романа, подвергается лишь критике, базирующейся на непонимании Новосильской, и сомнению в способности мыслить в глобальном масштабе: «Что бояться

борьбы и зла?.. Нация та велика, в которой добро и зло велико. Дайте и злу и добру спокойно расширить крылья, дайте им простор... Не в том дело, поймите, не в том дело, чтобы отеческими заботами предупредить возможность всякого зла... А в том, чтобы усилить творчество добра. Отворяйте ворота: вот вам — создавайте; вольно и смело... Растопчут кого-нибудь в дверях — туда и дорога! Меня — так меня, вас — так вас... Вот что нужно, что было во все великие эпохи. Зла бояться! О, Боже! Да зло на просторе родит добро!» Как это типично для Леонтьева до его обращения, но характерно и после, в последние годы. Удивительно, что, даже став глубоко верующим человеком, мыслитель вовсе не стал проповедником добра и любви, как это было у критикуемых им современников, в частности Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, а остался на своей позиции. В этой области эстетический критерий Леонтьева — красота и разнообразие — не утратил своих позиций и, будучи главным как в эстетическом мирозерцании мыслителя, так и в религиозном, даёт пищу для размышлений.

Тема крепостного права и его отмены не прошла мимо Леонтьева, ведь реформы Александра II вызывали у него удручающие мысли. В ней, как и вообще в реформах Александра II, он видел столь опасный для общества и культуры России либерализм — расширение свободы и прав населения при уменьшении силы и влияния государства. А Леонтьев, как известно, после поступления на службу на Востоке становился всё более и более последовательным этатистом и сторонником самодержавия, так как именно государство и царь, с одной стороны, и православие, с другой, способны «подморозить» процесс либерализации населения и, возможно, показать миру новую культуру взамен разрушающему европейскому равенству.

Примечательны разговоры, которые ведут Милькеев и братья Лихачовы во время празднования Нового года, когда речь заходит о крепостничестве и его отмене. Начав спорить с окружающими, старший Лихачов затрагивает тему, характерную для Леонтьева периода публицистики, а именно вопрос об аристократии и «шляхте», под которой подразумеваются люди, не имеющие корней, но олицетворяющие собой привилегированную часть общества. Константин Николаевич, развивая положение о наличии строгой иерархии в государстве, сам задавался вопросом: в чём же разница между аристократией и шляхетством? Что действительно ценно для сохранения культурного разнообразия? По Леонтьеву, аристократия сохраняет в себе лучшие национальные черты, а также образование и религиозность, выступая, кроме всего прочего, ещё и прямым слугой царя. Под «шляхтичами» подразумевается привилегированная часть общества, утратившая глубокие связи между собственной деятельностью и службой государю. В целом, Леонтьев не одобрял отмены крепостничества, так как сильное государство у него было неразрывно связано с жёсткой сословной иерархией.

Именно этот разговор Лихачова способствует новой волне критики современного уравнивания всего вокруг со стороны Милькеева: «Любить мирный и всемирный демократический идеал — это значит любить пошлое равенство, не только политическое, но даже бытовое, почти психологическое... Одна разница темпераментов недостаточна. Необходимы страдания и широкое поле борьбы!» (т. 2, с. 151–152).

Милькеев продолжает развивать данную тему в эстетическом контексте, что соответствует мировосприятию Леонтьева во время написания «В своём краю».

Но и на этом не останавливается мыслитель, уже тогда он был негативно настроен к Петербургу и считал, что перенос столицы в Москву будет верным решением. Уже позже, в своей публицистике, в «Византизме и славянстве» в частности, он развивал идею переноса столицы. Очевидно, что, с точки зрения православия и отечественных традиций допетровской России, Москва на тот момент смотрелась предпочтительнее, чем Петербург. Вот как отзывался о Петербурге Милькеев: «Петербург, это — место, где ползают мокрицы» (т. 2, с. 267). Предводитель развивает его идею: «Петербург, однако, принёс свою долю пользы для России. Это правда; но я думаю, что он натяжка, а не столица: ни национальности, ни климата, ни настоящей красоты... Резиденцию могли бы перенести в Москву». В этих словах чувствуются поздние настроения последних двух десятилетий творчества Леонтьева. Во-первых, Петербург у него действительно принёс свою пользу, так как именно «Табель о рангах» Петра I позволил обозначить будущую разветвлённую иерархичность в России, а после и усилить её во время правления Екатерины II. Политика этих правителей вызывала у Леонтьева горячую поддержку, так как неравенство в обществе — средство борьбы с уравниванием, упрощением. Во-вторых, именно в переносе столицы видел Леонтьев будущее России, так как Петербург у него ассоциировался с европейским либерализмом, опасным для государства и культуры России, а также с отсутствием национальных черт.

Особое место в творчестве Леонтьева занимает «Исповедь мужа» (1867) — произведение, подвергавшееся шквалу критики со стороны исследователей его творчества. В нём виден тот аспект мировоззрения Леонтьева, который впоследствии будет так ярко им описываться практически в каждом сочинении восточного цикла, — эстетизм. В момент написания произведения (1864 г.) Леонтьев не первый год находился на дипломатической службе в Турции и всё сильнее развивал свои эстетические взгляды, обнаруживая в восточной тонкости те черты, которые уже не мог увидеть в России. А пестрота восточной жизни начиналась именно с одежды: яркой, красочной и ухоженной (в «Исповеди мужа» это — описание албанской одежды возлюбленного жены рассказчика Маврогени). Тенденция описания внешнего вида будет продолжена в восточных повестях.

Особым блоком в художественном наследии Леонтьева предстаёт перед нами его двухтомный сборник «Из жизни христиан в Турции», где он описывает свои наблюдения и размышления, которые занимали его в период дипломатической службы в Османской империи. Этот сборник — украшение художественного творчества писателя, ведь после произведений о русской жизни («Подлипки», «В своём краю» и т.д.) выходит описание жизни столь близких для нашего народа юго-славян и греков, находящихся последние десятилетия во власти турок. Стоит заметить, что Леонтьев сам высоко оценивал этот сборник не только с сюжетно-художественной позиции, но и как собрание этнографических записок о южных христианах под гнётом империи. Автор даже хотел подать этот цикл произведений на соискание премии в Академию наук (т. 3, с. 714).

Ярчайшей составляющей всех восточных повестей Леонтьева, несомненно, является культ красоты. В каждой работе мы сталкиваемся с подробнейшим авторским описанием одежды, природы и обычаев этих мест. Это неудивительно, так как ещё с Крымской войны Леонтьев был пленён Востоком, его обычаями и культурой. И если в Крыму Леонтьев столкнулся со своеобразием крымских татар-мусульман, то в Турции он мог наблюдать не только за жизнью турок-мусульман, но и за особенностями влияния мусульманской Турции на христианское население страны. На примере греков, болгар, албанцев, сербов Леонтьев мог видеть, какое воздействие оказывает на них турецкое иго и как сами христиане менялись, стремясь стать независимыми любыми путями, найти покровителей (отсюда и массовые переходы в униатство), да и просто в угоду европейскому «либеральничанию» (что выражалось в европейском платье, образе мыслей, желании учиться в Европе и т.д.).

Всё это создавало необыкновенно пёструю картину жизни христиан в Турции, а по службе Леонтьев сменил много должностей и городов, что способствовало пониманию ситуации в этом регионе. К началу 60-х он имел соображения о пагубном влиянии либерализма и европейской идее равенства, а потому христианская часть Турции представляла для него некий полигон, где Европа, в силу географической близости, проводила «испытания», результаты которых могли быть использованы в России при условии усиления в ней либеральных течений. Будучи свидетелем перемены в поведении у тех же греков, в чьих силах оказалось сделаться вновь независимыми, пускай и в менее широких границах, чем до турецкого порабощения, Леонтьев видит всё пагубное влияние западной цивилизации на их быт и культуру: постоянные разговоры на пустые политические темы, вызванные либерализацией населения; безусловную веру в прогресс, отказ от национальных одежд ради европейского сюртука, а позже — падение религиозности. Когда же болгары и сербы начнут постепенно на его же глазах с появлением элементов самостоятельности приобретать те же характеристики в бытовой и интеллектуальной жизни, мыслителю станет очевидно, что демонстрация религиозности и национальных черт есть инструмент сплочения, ненужный по достижении результата. Особенно ярко это проявилось у болгар в момент греко-болгарской распри 1872 г., когда болгары, влекомые идеей самостоятельности от константинопольского патриарха, использовали религию в политических целях, что Леонтьев именует филетизмом. «Религиозный индифферентизм юго-славянской буржуазии — это мутная и загнивающая вода, вливаемая сначала понемногу и осторожно, а потом и крайне нагло и безбожно в старое, могучее и драгоценное вино Греко-Российского Православия... Что с нею делать, с этой зловонной водой демократического европеизма?» (т. 6, кн. 1, с. 393). Поэтому в восточном цикле автор акцентирует внимание на народных чертах как христиан, так и турок, увидев в них тот колорит и культурное своеобразие, которое погибнет под влиянием европейской идеи равенства.

Художественные произведения позднего периода были созданы Леонтьевым во многом с целью уплаты долгов. Например, Катков платил ему за ещё не написанные страницы. На наш взгляд, в силу указанных обстоятельств, появлялась необходимость обязательной востребованности написанного у читателя. Всё это, в купе

с ограничениями по времени, не давало возможности Леонтьеву придать произведению желаемых мировоззренческих оттенков, но, безусловно, он отражал в них свои самые основные взгляды и жизненные переживания.

Пережив религиозный переворот во время службы в Турции, Леонтьев не только становится глубоко верующим, но и меняет акценты в своём творчестве. Теперь он рассматривает художественную сторону своей писательской деятельности больше как способ борьбы с безденежьем, желая всё свободное время посвящать созданию произведений духовного плана. Он не только отказывается от своих работ, где, например, акценты смещены в область чувственности, как это было в «Исповеди мужа», а позже и в «Египетском голубе», но иногда и просто уничтожает их, как это случилось с «Рекой времён». Стоит отметить, что он всё-таки оставил после себя произведения духовного содержания, что отразилось в незаконченном труде «Подруги» и наброске «Последний луч».

К этому периоду принадлежит и очень интересное произведение «Две избранницы», содержащее в себе квинтэссенцию волновавших его на протяжении жизни тем, которое Леонтьев создавал с 1870 по 1884 гг. (т. 5, с. 792). И хотя этот труд остался незавершённым, сквозь сюжет проходят темы, волнующие автора до обращения на Афонской горе и после него.

Генерал Матвеев был любимым персонажем автора — неким идеалом, сочетающим в себе благородство, страсть, ум — всё то, что выделяет героя из общей массы, столь нелюбимой Леонтьевым. А как идеал, он, естественно, своим поведением и взглядами выдаёт мысли своего создателя.

На протяжении романа Матвеев предстаёт перед нами, словно молодой Леонтьев, искателем приключений, желающим разрушать серость будней: «Да здравствует жизнь!.. Жизнь как она есть, со всей полнотой успехов и опасностей, тонкого наслаждения и лукавой борьбы!..» (т. 5, с. 79). Живая жизнь должна быть полна событий: войной, наслаждениями, эстетикой — и всё без оглядки на последствия, о чём и повествует Матвеев: «У меня всегда долги! Я думаю, что это оттого, что я без ума люблю азиатское барство и роскошь!.. Иногда бы я так желал быть, как бы это сказать? Православным, русским Сатрапом в Азии... Чтобы иные иконы золотые висели по углам, — а вечером чтобы вокруг меня журчали фонтаны и плясали мусульманские баядерки...» (т. 5, с. 171). Но при этом Матвеев, будучи военным, считает войну важнейшим событием для человека и истории: «...великое мировое явление, как принцип, который способствует блеску личностей, воодушевляет целые народы и служит источником не одних страданий, но и высоких наслаждений, недоступных мирным поприщам...» (т. 5, с. 129).

Как и в молодые годы, так и после обращения на Афоне темы живой жизни и критики либерализма продолжают у Леонтьева, но они дополняются ещё и верой в будущее России, а также глубокой религиозностью, что также сочетает в себе главный герой. Вот как он реагирует на ситуацию на Востоке и увлечение столичной богемы оперой: «Я бы закрыл эту итальянскую оперу, и сотни тысяч, которые тратит наше общество на эту сухую и холодную забаву, — обратил бы все на помощь восставшим критянам или болгарам на Дунае... И не на век, а до тех лишь пор,

пока русский великан, став одной ногой твёрдо у подножья Гималайи, а другой на Босфоре, будет в силах собрать воедино под могучую руку свою всё то, что и судьбы исторические предназначали ему собрать!» (т. 5, с. 74). Всё это напоминает идею Леонтьева о создании союза на Востоке во главе с Россией — центральную идею «Византизма и славянства». Естественно, что подобный союз должен был стать для всего мира оплотом против разрушительного либерализма и прогресса, ярким противником которого является Матвеев: «Европа мчится к падению своему на парах и электричестве; <...> Высокий Божий Промысл не любит того пошлого равенства, к которому хочет привести этот прогресс. <...> низведя идеал на землю в виде мечты о реальном благоденствии, Европа готовит себе гроб, и все отвратительные изобретения для обогащения и холодного покоя, которыми она так гордится, приведут её к самоубийству. Тот же гений механизма, который теперь лукаво обольщает прогрессистов удобствами плотской жизни, изобретает новые орудия смерти и борьбы, и то, в чём Запад в слепоте ищет спасения от пожирающей его пустоты, обратится на его же погибель...» (т. 5, с. 184). Как мыслит Леонтьев в этот период, так мыслит и Матвеев: прогресс и либерализм только усиливают безверие. Религия — базовая структура культуры, безверие ведёт к общеевропейскому смешению.

В основе сюжета находится процесс «перевоспитания» девушки Сони, живущей с бабушкой в Петербурге. Именно бабушку в молодости знал Матвеев, когда они жили в Крыму, откуда он родом. И Матвеев начинает со временем втягиваться в «перевоспитание» юной нигилистки. Генерал вызывает у Сони нежные чувства, и та стремится выглядеть лучше в его глазах, перенимая мировосприятие Матвеева, хотя поначалу подвергает его критике. Она соглашается с ним, что религия сильнее любой науки, построенной на теории: «Главное дело в том, значит, что и перед наукой благоговеть не надо; её основания тёмные... А если они так же темны, как и основания религии, так я вольна, я думаю — выбирать, не рискуя быть глупой в глазах порядочных людей» (т. 5, с. 155).

Наиболее позднее произведение Леонтьева — «Подруги» — изначально задумывалось как большой роман в православном ключе, но автор не смог реализовать свой замысел. Пытаясь представить жизнь девушки Софьи в деревне после смерти отца, столкновения с кредиторами покойного и одиночеством, Леонтьев вводит в сюжет религиозную семью Судогдиных, с дочерью которой, Зиной, она подружится и станет постепенно ближе к религии и монашеству в желании избавиться от мирской суеты. Но, увы, Леонтьев только задал сюжетную линию романа, но не дошёл до отражения духовного перерождения Софьи, описав в первых главах лишь тяжесть её положения и знакомство с Судогдиными.

В «Последнем луче», одном из последних набросков, автор изображает перед нами монаха, уже давно находящегося в рясофоре, перед пострижением в мантию. Как и вообще в жизни Леонтьева после пострига, монах вспоминает свою любовь в молодости к одной пианистке, с которой «всё окончилось хорошо и по-христиански», за что герой благодарит Бога: «Конечно, что может быть без Бога! Его и соизволение на благое; его и попущение на грех; или для испытания нашего в борьбе, или для уничтожения нашего в падении... Мне весело вспомнить и то, что

Господь поддержал меня в этом деле; — стыдиться мне нечего за себя, потому что я знаю, как я постоянно думал о Боге и как я пламенно молился, чтобы всё хорошо окончилось» (т. 5, с. 662). Возможно, что данный набросок являлся фрагментом к автобиографическому произведению (т. 5, с. 775), так как содержание соответствует переживаниям Леонтьева и после пострига.

В последние полтора десятилетия своей жизни Леонтьев был сконцентрирован на написании публицистических произведений, которые не могли его обеспечить материально. Естественно, что не терпящему рамок Леонтьеву такие обстоятельства были не по душе, что приводило к написанию «через силу». И хотя у Леонтьева был замысел написания большого романа в православном ключе, до нас дошло немного: неоконченное произведение «Подруги» и набросок «Последний луч».

¹ Долгов К. М. Восхождение на Афон: Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. М.: Отчий дом, 2008.

² Иваск Ю. П. Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество // К. Н. Леонтьев: Pro et contra. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного ин-та, 1995. Кн. 2.

³ Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. / подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2000–2009. Т. 1–8, кн. 2. В тексте статьи ссылки даются на это издание, в скобках указываются том и страницы.

⁴ См. подробнее: Иваск Ю. П. Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество // К. Н. Леонтьев: Pro et contra. Кн. 2. С. 246–248, 252–254 и др.

⁵ Здесь и далее в скобках указывается год публикации, а не написания произведения.

⁶ Письма К. Н. Леонтьева к Анатолию Александрову. Сергиев Посад: тип. Св.-Тр.-Сергиев. лавры, 1915. С. 51.